

Героническая оборона Мадрида

ИНСТИТУТ МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВКП(б).

Благодарность князю Г. Е. Львову

Победа контр - революции

родных масс. Во всем мире нет решенными вопрос - агрессоров. Они

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

МАНИФЕСТ
ПОБЕДИВШЕГО
НОВОГО
МИРА

Родина

Социалистическая родина! Эти слова вдохновляют на подвиги миллионов людей нашей страны. Горючей любовью к своему социалистическому отечеству, гордостью за свою страну дышат голоса миллионов наших, объединяющих проект сталинской Конституции.

«Сталинская Конституция! Так назвал ее весь наш народ, познав по имени творца социализма, организатора побед достижений и побед грязных шпионов. Конституция показывает, как превращаются в чудотворную явь вековые мечты угнетенного человечества, как расцветает страна, в которой уничтожены капитализм, как объединяются в нашей стране люди, народы». («Правда».)

Счастье социалистической родины — счастье каждого трудящегося. Защита родины — почетная, святая его обязанность.

Вплоть до каждого участника нашей работы!

Люди сталинской закалки — горные и решительные, стойкие и отважные — на наших фабриках и заводах, на колхозных полях, они на наших красных рубежах.

«Где нужный муск, и даже птичий взлет».

Со всех сторон глазами атакован. Этот яркий, полудетский облик — из стихов бойца И. Мельникова, опубликованных в редакции. И тут же строки, выражающие глубокое чувство родины:

«Иуда ни глян, иуда ни поверни, Нам будно ты идешь и родному дому».

Социалистическая родина — олицетворение труда, неокружимая крепость международного революционного, отечественного трудящегося всего мира Советский патриотизм глубоко интернационален. Духом пролетарского интернационализма связаны братские народы Советской Страны, духом интернационализма проникнута солидарность советского народа и героического народа республиканской Испании.

Торжество национальной политики Ленина — Сталина выражает эту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является жемчужиной будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве. (Сталин.)

Миллионы поколений великой азиатской империи партии Ленина-Сталина, это — миллионы партийных и непартийных бойцов, пионерские массы советского народа, проникнутого духом интернационализма.

О покое человека писал Владимир Маяковский:

«Но зря эту личность рождает класс, лелеет до нужного часа, и давит, и в сердцах вломит наиз: «Иди, твори, отличаешься!».

Пограничник Филипп Прилепский, стахановец-поэт Тита Джалаловича рассказывают со страниц газет о своем роде, о своих героических буднях, о том, как их вырастила и воспитала Сталинская партия.

В рассказе «Подвиг» о нефтяниках армянского Азербайджана — только отдельные черты героического дела советского народа.

Героизм советских людей — героизм масс. Он в плоти и крови советских патриотов.

ПОДВИГ

Это произошло неожиданно. В предутренний час, когда сменялись вахты в буровой, что-то коротко пророкотало в скважине и в ту же минуту тяжелый буровый ствол отлетел далеко в сторону.

С азким шумом, круша и калеча буровое оборудование, к самому верху показавшейся вышки вырвался из 1000-метровой глубины огромный столб асфальтового газа.

Люди, ослепленные грохотом фонтана, успели выбежать из буровой.

Гудят сирены, мчатся черные пожарные машины. Фонтан увидел, услышал сразу на всей промышленной площадке.

Тревога! — несется по проходам. В буровые, на группы собирают, — бьет газовой фонтан необычайной силой. Дует пор, возможно воспламенение и поэтому всему промыслу надо быть наготове...

Первыми к фонтанирующей скважине побежали бригады «выпечников». Вязкий, ослепляющий запах газа бьет им в лицо. Иено, что газ имеет сильное отравляющее свойство. Противогазов нет под рукой. Положение осложняется.

Люди переглядываются. Они хорошо знают друг друга и не в первый раз плут на борьбу со стихией. Это — люди того славного отряда выпечников, о которых в Баку рассказывают чудеса. В пор, в световые бураны — с топором, молотом и пилкой за поясом, они доводят, укрепляют, спасают от споровых ударов ветра самые высокие вышки.

Бестрашным и мужественным, им доверено укрощение фонтанов — работа, требующая ловкости, беззаветной преданности своему промыслу, своей республике, родине.

«Родной промысел был в опасности. Все сильнее буйствовал фонтан. Нефтяная пыль тонким слоем ложилась на соседние буровые.

Пальная искорка могла превратить промысел в пылающий факел. Выпечники Филп Менгер, Эдуард Эйст, Татевосов и Шаркунюк молча потаскивают доски к буровой. Землекопы ронят амбар для нефти.

Поняв рот платком, по крестовинам вышки поднимаются наверх, на «голубятник». Филп Менгер. Здесь он укрывает блок и призывно машет рукой стоявшим внизу людям: «Работать можно!»

По канату поднимают доски для обшивки буровой. Бригады осторожно пабираются на буровую. Семпверковыми гвоздями прикрепляют доски к ребрам патающей вышки. Надо обшить вышку, превратить ее в глухо заколоченную коробку, чтобы изолировать фонтан от остальных вышек, укрывать его в деревянной рубашке. Работа сразу пошла хорошо. По

взвух газ перешел на нефть. Высоко,

в шпиль вышки ударяет мощная струя и с головы до ног окутывает работающих наверху людей. Нефть бьет гигантским 40-метровым столбом и каждую минуту может сбросить людей.

Никто не спешит с вышки. Работа продолжается, скрипит блок, и доски одна за другой, на канате поднимаются наверх.

После нескольких часов работы под ударом мощной нефтяной струи люди начинают задыхаться. Они уже не принимают досок и сквозь рев фонтана что-то неслышно кричат внизу товарищам.

Внизу поняли, засуетились. «Во что бы то ни стало помочь героям» — единым порывом охватывает людей острая мысль. Но помочь — это значит рисковать самому.

Люди не думали в эту минуту об опасности.

Первым вылезал подняться на вышку Александр Рехлинг, энергичный, крепкий парень. Он ловко схватился за нижнюю перекладину вышки, потянулся на мускулах и с необычайной гибкостью полез по крестовинам вверх. Нефть ударяла взвух с неожиданной силой.

Наверх полезли коммунисты Татевосов, Газинский и Кунинман.

По крестовинам, по маршевым лескам, связанные канатами, как альпинисты, почти обесцвешенные, добравшись до товарищей. Несколько минут и на канате с помощью блока благополучно спустились все...

Укрощение фонтана — сложная задача.

Шесть линий под ударами нефти гудели слабые выпечники. Поблизости железная воля преданных своему родному промыслу людей, победила организованности.

Выпечники падающе заколотили досками буровую. Наверху установили чекан — нечто вроде огромного деревянного зонта, о который разбивалась и густым рикотетом падала в амбары нефть. Укрепили оттяжками буровую и она перестала раскачиваться. Сделали все, чтобы ни одна капля нефти не пропала, чтобы промысел мог вновь вернуться к нормальной, бесперебойной работе.

«Все это было на южном склоне Лок-Батанского нулкана, в развешной буровой № 189.

Советские патриоты спасли буровую, открывшую стране новый богатый нефтеносный участок. Свыше 150 тысяч тонн нефти за восемь месяцев дала эта буровая социалистической родине.

АР. РАБИНОВИЧ.

«В НАШЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРАНЕ ИНТЕРЕСЫ НАРОДА НЕОТДЕЛИМЫ ОТ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ И ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА В ТОМ, ЧТО НАРОД ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ САМ СТРОИТ ДЛЯ СЕБЯ СВОЮ ЖИЗНЬ, В ТОМ, ЧТО НАША ПРЕКРАСНАЯ И БОГАТАЯ СТРАНА ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ, ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ПО-НАСТОЯЩЕМУ ОТКРЫЛАСЯ ТРУДЯЩИМСЯ».

(«ПРАВДА»)

На границе В. Кротков

Мы затанцевали в высоком бурьяне — я и товарищ мой Кучеренко. Темная сентябрьская почва, казалось, вплотную приблизилась границе. Лежим, пасторожилась...

Со стороны реки доносится волжск, затем ела уловимый шонот и на фоне просвета в тучах, на миг, высветилась фигура человека.

Слова лопнули на слух. Идут босые, идут на нас, свернувшись в сторону, устремились в тыл...

Виделись! Это слово набатом проносится в мыслях. Надо не дать пропущить врагу. В такую минуту решается игновено.

Пас хлю, Товарищ ползет к границе, чтобы отрезать врагу отступление, и устремляется беснумо наперерез.

Еще минута и враг ускользнет. В метрах пяти приказываю сдаться. Парень отвечает задом. Определяю — злое с нитковками, третий бьет из наизуера.

Бегут вдоль границы, я за ними — быстрым рывком. Внезапно тьма отпрянула в сторону, — товарищ мой освещен ракетой. Я веду огонь.

Бандиты, обстреливая нас, бросаются враспыну. Вбежали на бугор. Дальше — ложбина у самой границы. Двое бежут, третий огнем прикрывает отход. Я прибираюсь кустарником. Ракеты несся, Намучиваем друг друга по выстрелам.

Подбегаю почти вплотную. Бандит решил не сдаваться и устремляется к границе.

Мгновение.

Остаются одно — «бить врага... «Когда враг не схватится, его уничтожат», — проносится в мыслях.

Враг сбит.

Преследуем остальных, но они отступают границы. На месте столкновения с бандитами прибыли товарищи с заставы. Осматриваем убитого, сады другого. Собака рвется по следу, подводит все к той же границе.

То было первое мое боевое испытание.

У товарища Кучеренко шпиль проткнул лунку пулями.

Под утро нас схватывают и мы направились к заставе. Товарищи не спят, собрались в красном уголке и стал я рассказывать им про ночной эпизод.

Днем поужал о старшем брате, стал писать письмо, повелел ему все, что рассказывал товарищам.

Брат Никанор Давидович, когда призывался я в армию, был председателем комиссии и сказал мне тогда на прощание: «Знаешь, Фил, я направляю тебя на вранский рубеж. Ты должен оправдать там высокое авание чекиста-пограничника, чтобы ни один враг не смог пройти».

Вот почему так захотелось мне рассказать ему, как расту я, как закаляюсь.

Он вырастил нас — четверых своих братьев, как отец, как брат и товарищ.

Четырнадцать лет брат работал колхозником. Отец — кожегаром в Донбассе, в шахте Глубокая. В семнадцатом отец и двое братьев вступили в партию большевиков. Вернувшись в село Сухотинка, в бедняцкую избушку. Бошли в комитет бедноты.

Потанулись готы гражданской войны, и чего только не пришлось пережить. Зашли белые в Сухотинку, — выдвали нас кулаки. Смертным боем была отца моего и братьев. Оля умерла, а старшего брата похоронили, спасли. Стал он собирать красных партизан — повел против банды Махно.

Отрешели бои. Стала налаживаться жизнь в наша семья. В двадцать первом — не стало отца. Старший брат Никанор берет воспитывать нас.

Один из братьев пошел в химический институт, на завод, в Красную армию, авлашкоу. Сейчас он — летчик нашей родины.

И другой прошел авлашкоу, работает на лардароме. Самый младший, семнадцатого года, — учился. А Никанор — директор завода.

Нас в семье — три члена партии и два комсомольца. Мы в разных колхозах необятной нашей родины, но слыша крепко большевистская семья.

Пишет мне Никанор: «Горжусь, что оправдал ты авание чекиста-пограничника. Быть на страже границ — дело чести и славы. Хочешь — оставайся сверхсрочником, или — поступавай учиться. Помогю».

Меня воспитали — семья, комсомол и Красная армия, работа в колхозе, на производстве.

Граница закаляет меня.

Я мечтаю сейчас об учебе. Сегодня мечта — автра исполнения желания.

ФИЛИПП ПРИЛЕПСКИЙ, пограничник.

Затаив дыхание, слушала комсомолка Фатико Гогитидзе доклад о легкой, о парашютистах Советской Страны.

«Что хочет ехать в Тбилиси, учиться на летчика?»

Ученица 9 класса, юная пионерка Фатико Гогитидзе отозвалась, первой. И только после этого веновила о старших — родителях. «Не отпустят... Одну я Тбилиси, за еще учиться на летчика?»

Но слово она уже дала. Как же теперь быть? Носоватаясь с товарищами, объяснила им домашнюю обстановку. Решили — без хитрости тут не обойтись.

И Фатико объявила дома, что комсомол посылает ее в Тбилиси на летчипские курсы. Старшие авлашкоу, но в конце концов примыслили с мыслями о разлуке.

Дальше — отъезд, потом лагерная жизнь, упорная учеба интересному, захватывающему летному делу. Фатико должна опрадать авание, оказанное ей товарищами — комсомольцами.

В родной горю она обязательно вернется летчиком.

В школе тбилисского авлашкоу Фатико па лучшем счету. Она — пример дисциплинированности, она настойчиво и авучливо осваивает летное мастерство.

В нее уже 72 полета.

Земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними государственными автами на вечные времена.

ФАТИКО

Затаив дыхание, слушала комсомолка Фатико Гогитидзе доклад о легкой, о парашютистах Советской Страны.

«Что хочет ехать в Тбилиси, учиться на летчика?»

Ученица 9 класса, юная пионерка Фатико Гогитидзе отозвалась, первой. И только после этого веновила о старших — родителях. «Не отпустят... Одну я Тбилиси, за еще учиться на летчика?»

Но слово она уже дала. Как же теперь быть? Носоватаясь с товарищами, объяснила им домашнюю обстановку. Решили — без хитрости тут не обойтись.

И Фатико объявила дома, что комсомол посылает ее в Тбилиси на летчипские курсы. Старшие авлашкоу, но в конце концов примыслили с мыслями о разлуке.

Дальше — отъезд, потом лагерная жизнь, упорная учеба интересному, захватывающему летному делу. Фатико должна опрадать авание, оказанное ей товарищами — комсомольцами.

В родной горю она обязательно вернется летчиком.

В школе тбилисского авлашкоу Фатико па лучшем счету. Она — пример дисциплинированности, она настойчиво и авучливо осваивает летное мастерство.

В нее уже 72 полета.

Земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними государственными автами на вечные времена.

Потанулись готы гражданской войны, и чего только не пришлось пережить. Зашли белые в Сухотинку, — выдвали нас кулаки. Смертным боем была отца моего и братьев. Оля умерла, а старшего брата похоронили, спасли. Стал он собирать красных партизан — повел против банды Махно.

Отрешели бои. Стала налаживаться жизнь в наша семья. В двадцать первом — не стало отца. Старший брат Никанор берет воспитывать нас.

Один из братьев пошел в химический институт, на завод, в Красную армию, авлашкоу. Сейчас он — летчик нашей родины.

И другой прошел авлашкоу, работает на лардароме. Самый младший, семнадцатого года, — учился. А Никанор — директор завода.

Нас в семье — три члена партии и два комсомольца. Мы в разных колхозах необятной нашей родины, но слыша крепко большевистская семья.

Пишет мне Никанор: «Горжусь, что оправдал ты авание чекиста-пограничника. Быть на страже границ — дело чести и славы. Хочешь — оставайся сверхсрочником, или — поступавай учиться. Помогю».

Меня воспитали — семья, комсомол и Красная армия, работа в колхозе, на производстве.

Граница закаляет меня.

Я мечтаю сейчас об учебе. Сегодня мечта — автра исполнения желания.

У товарища Кучеренко шпиль проткнул лунку пулями.

Под утро нас схватывают и мы направились к заставе. Товарищи не спят, собрались в красном уголке и стал я рассказывать им про ночной эпизод.

Днем поужал о старшем брате, стал писать письмо, повелел ему все, что рассказывал товарищам.

Брат Никанор Давидович, когда призывался я в армию, был председателем комиссии и сказал мне тогда на прощание: «Знаешь, Фил, я направляю тебя на вранский рубеж. Ты должен оправдать там высокое авание чекиста-пограничника, чтобы ни один враг не смог пройти».

Вот почему так захотелось мне рассказать ему, как расту я, как закаляюсь.

Он вырастил нас — четверых своих братьев, как отец, как брат и товарищ.

Четырнадцать лет брат работал колхозником. Отец — кожегаром в Донбассе, в шахте Глубокая. В семнадцатом отец и двое братьев вступили в партию большевиков. Вернувшись в село Сухотинка, в бедняцкую избушку. Бошли в комитет бедноты.

Затаив дыхание, слушала комсомолка Фатико Гогитидзе доклад о легкой, о парашютистах Советской Страны.

«Что хочет ехать в Тбилиси, учиться на летчика?»

Ученица 9 класса, юная пионерка Фатико Гогитидзе отозвалась, первой. И только после этого веновила о старших — родителях. «Не отпустят... Одну я Тбилиси, за еще учиться на летчика?»

Но слово она уже дала. Как же теперь быть? Носоватаясь с товарищами, объяснила им домашнюю обстановку. Решили — без хитрости тут не обойтись.

И Фатико объявила дома, что комсомол посылает ее в Тбилиси на летчипские курсы. Старшие авлашкоу, но в конце концов примыслили с мыслями о разлуке.

Дальше — отъезд, потом лагерная жизнь, упорная учеба интересному, захватывающему летному делу. Фатико должна опрадать авание, оказанное ей товарищами — комсомольцами.

В родной горю она обязательно вернется летчиком.

В школе тбилисского авлашкоу Фатико па лучшем счету. Она — пример дисциплинированности, она настойчиво и авучливо осваивает летное мастерство.

В нее уже 72 полета.

Земля, занимаемая колхозами, закреплена за ними государственными автами на вечные времена.

Потанулись готы гражданской войны, и чего только не пришлось пережить. Зашли белые в Сухотинку, — выдвали нас кулаки. Смертным боем была отца моего и братьев. Оля умерла, а старшего брата похоронили, спасли. Стал он собирать красных партизан — повел против банды Махно.

Отрешели бои. Стала налаживаться жизнь в наша семья. В двадцать первом — не стало отца. Старший брат Никанор берет воспитывать нас.

Один из братьев пошел в химический институт, на завод, в Красную армию, авлашкоу. Сейчас он — летчик нашей родины.

И другой прошел авлашкоу, работает на лардароме. Самый младший, семнадцатого года, — учился. А Никанор — директор завода.

Нас в семье — три члена партии и два комсомольца. Мы в разных колхозах необятной нашей родины, но слыша крепко большевистская семья.

Пишет мне Никанор: «Горжусь, что оправдал ты авание чекиста-пограничника. Быть на страже границ — дело чести и славы. Хочешь — оставайся сверхсрочником, или — поступавай учиться. Помогю».

Меня воспитали — семья, комсомол и Красная армия, работа в колхозе, на производстве.

Граница закаляет меня.

Я мечтаю сейчас об учебе. Сегодня мечта — автра исполнения желания.

У товарища Кучеренко шпиль проткнул лунку пулями.

Под утро нас схватывают и мы направились к заставе. Товарищи не спят, собрались в красном уголке и стал я рассказывать им про ночной эпизод.

Днем поужал о старшем брате, стал писать письмо, повелел ему все, что рассказывал товарищам.

Брат Никанор Давидович, когда призывался я в армию, был председателем комиссии и сказал мне тогда на прощание: «Знаешь, Фил, я направляю тебя на вранский рубеж. Ты должен оправдать там высокое авание чекиста-пограничника, чтобы ни один враг не смог пройти».

Вот почему так захотелось мне рассказать ему, как расту я, как закаляюсь.

Он вырастил нас — четверых своих братьев, как отец, как брат и товарищ.

Четырнадцать лет брат работал колхозником. Отец — кожегаром в Донбассе, в шахте Глубокая. В семнадцатом отец и двое братьев вступили в партию большевиков. Вернувшись в село Сухотинка, в бедняцкую избушку. Бошли в комитет бедноты.

Н. НОРНОВ.

